

Рассказы 1910-х («Ипатов», «Герман и Марта», «Полет», «Жертва», «Два письма») во многом близки ранним реалистическим бытовым произведениям писателя. А. возвращается к традиционным формам психологического письма, наполняя их новой глубиной и остротой трагического осмысления жизни. Писатель утвердился в мысли о кардинальном значении личной воли человека к добру или злу, что обострило его интерес к собственно психологическим проблемам.

Общественная позиция А. в последние годы его жизни определялась отношением к вопросам войны и революции. Разразившаяся Первая мировая война вызвала у А. подъем страстных патриотических настроений. В военной публицистике писатель отстаивал необходимость войны до победы над Германией. А. полагал, что победа приведет к европейской революции, созданию разумного, прочного и демократического порядка, в котором не будет места деспотизму и насилию. В повести «Иго войны» (1916), имеющей подзаголовок «Признания маленького человека о великих днях», А. намечает гуманистическую утопию духовного преображения человечества путем разрешения всех противоречий жизни в самом сознании человека. Эти надежды, казалось бы, нашли подтверждение в ходе бескровной Февральской революции, которую А. восторженно приветствовал. Однако дальнейший ход событий не оставил от утопических чаяний А. камня на камне. Вместо организованной демократии и строгой законности России в результате октябрьского переворота ожидала большевистская диктатура, против которой А. боролся до последнего дня своей жизни силой печатного слова. А. переживал случившееся как личную и национальную трагедию. Последнее его произведение роман «Дневник Сатаны» (1919) отличает мысль о том, что зло в совр. мире торжествует, подчинив себе и красоту, и любовь, проникнув во все поры человеческого существования.

В 1908 А. поселился в финской д. Ваммельсу; в 1916–17 возвратился в Петроград, но после свершения октябрьского переворота снова уехал в Ваммельсу; скончался в д. Нейвала; в 1956 перезахоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Судьба и личность А. исполнены некоей тайны, которую предстоит разгадывать каждому, кто соприкасается с его творчеством. А. стремительно ворвался на российскую лит. сцену, завоевал сердца многочисленных читателей и внес смятение в их умы. Читающая Россия была оглушена успехом и славой пи-

сателя, его произведения ниспровергали устои, твердили о непрочности существующего миропорядка, предупреждали, что ужас при дверях и все возможно в потрясенной до основания стране. Восторг мятежа — вот ощущение, которое прежде всего утвердилось в сознании читателя его произведений. Между тем в тени оставался вопрос о том, какие же ценности существуют для самого А., что утверждает он своим творчеством, что составляет для писателя идеал и есть ли он вообще. Загадка творчества А. была не только не разгадана его современниками, но и осталась своеобразным секретом для последующих читателей.

Судьба А. была отмечена яростным поиском смысла жизни и своего места в ней, мечтой о гармонизации собственного внутреннего мира и окружающей действительности. Место А. в русской классике утверждается приоритетом в постановке писателем самых острых и дерзновенных философских и психологических вопросов. Выдающийся художник, искавший новых форм, А. оставался выразителем традиционных — а не «модернизированных» — идеалов русской лит-ры.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1971. Т. 1–2; СС: в 6 т. М., 1990–95.

Лит.: Чуковский К. И. Л. Андреев большой и маленький. СПб., 1908; Львов-Рогачевский В. Две правды. Книга о Л. Н. Андрееве. СПб., 1914; Дрягин К. В. Экспрессионизм в России (Драматургия Андреева). Вятка, 1928; Бабичева Ю. В. Драматургия Андреева эпохи первой русской революции. Вологда, 1971; Григорьев А. Л. Л. Андреев в мировом лит. процессе // Русская лит-ра. 1972. № 3; Келдыш В. А. Русский реализм начала XX в. М., 1975. С. 212–264; Иезуитова Л. А. Творчество Андреева (1892–1906). Л., 1976; Муратова К. Д. Л. Андреев // История русской лит-ры. Л., 1983. Т. 4; Муратова К. Д. Андреев-драматург // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX в. (до 1917). Л., 1987; Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984; Дэвис Р. Леонид Андреев // История русской лит-ры. XX век. Серебряный век. М., 1995.

С. Ю. Ясенский

АННЕНКОВ Юрий Павлович (псевдоним Борис Темирязев) [23.7(4.8).1889, Петропавловск-Казахстанский — 12.7.1974, Париж] — прозаик, художник, мемуарист.

Отец А. принадлежал к известной дворянской фамилии, был в родстве с приятелем Н. В. Гоголя П. А. Анненковым. Однако как член террористической организации партии «Народная воля» после убийства Александ-

Ю. П. Анненков

ра II (непосредственного участия в котором он не принимал) был приговорен к каторжным работам в Сибири, позднее замененным поселением в Петропавловске. Этим и объясняется некоторая экзотичность — для XIX века — места рождения будущего художника и писателя. Вскоре после рождения А. отец его был помилован и семья смогла вернуться в Петербург.

А. окончил гимназию и юридический ф-т Петербургского ун-та. Уже в раннем возрасте проявил исключительные способности в области изобразительного искусства, опыты юного рисовальщика одобрил И. Репин. Худож. образование А. получает в известном училище Штиглица, затем — вместе с М. Шагалом — в студии художника С. М. Зейденберга, а позднее — в мастерской профессора Академии художеств Я. Ф. Ционглинского, по совету которого в 1911 едет в Париж. Там в 1913 в Салоне Независимых Художников А. выставляет работы, близкие к кубизму. Вернувшись в конце 1913 в Петербург, А. оказывается в центре лит.-худож. жизни столицы, рисует для модного «Сатирикона» (1913–16), приобретает известность как портретист, в качестве театрального художника работает с крупнейшими режиссерами (В. Мейерхольдом, Ф. Комиссаржевским, Н. Евреиновым), занимается книжной графич-

кой. Среди друзей и близких знакомых А. — едва ли не весь цвет худож. и лит. авангарда.

Революция 1917 (к которой А. отнесся, по его словам, не как сторонник или противник, но как свидетель) в каком-то смысле лишь способствовала росту известности художника. Он становится первым иллюстратором знаменитых блоковских «Двенадцати». Талант портретиста (и, вероятно, не в последнюю очередь — народовольческое прошлое отца) открывает перед А. двери Кремля: в начале 1920-х он пишет портреты представителей «большевистской элиты» — начиная с Ленина и Троцкого. С 1920 он — профессор Петроградской Академии художеств.

Несколько десятилетий спустя в своих мемуарах А. напишет: «...в литературной среде, с которой у меня сохранялись постоянные и тесные связи, я был „на ты“ <...> лишь с Евгением Замятиным, с Владимиром Маяковским, с Сергеем Есениным, с Алексеем Толстым, с Василием Каменским, с Виктором Шкловским, с Михаилом Кузминым...» (**Дневник моих встреч**. Т. 2. С. 159). Первым в этом списке имя Замятина стоит отнюдь не случайно. С автором «Мы» А. связывала не только личная дружба, но и близость творческих, устремлений. Живопись и графика А. этого периода является своеобразным «худож. аналогом» замятинской прозы (см. статью Е. Замятина «О синтетизме»).

В 1924, уехав по официальной командировке за границу, А. стал «невозвращенцем». Впрочем, к советской власти до поры он оставался достаточно лоялен. Нашумевший роман Б. Ясенского «Я жгу Париж» вышел в 1929 в Москве с иллюстрациями А.

В дальнейшем А. жил в Париже и успешно работал как портретист, театральный художник и художник кино, не оставляя занятий станковой живописью и графикой.

Как прозаик, под псевдонимом «Б. Темирязов», А. дебютирует (до этого он выступает в печати лишь как автор статей, посвященных изобразительному искусству и театру) в конце 1920-х (рассказы «**Домик на 5-й Рождественской**» и «**Сны**»). В 1934 в Берлине выходит роман Б. Темирязова «**Повесть о пустяках**», мн. эпизоды которого с минимальными изменениями были позднее воспроизведены в его воспоминаниях, а во второй половине 1930-х печатаются фрагменты «разорванной эпопеи» — «**Тяжести**» (отд. изд. и целиком роман не был опубликован). Тягой к формальным экспериментам и «советской» тематикой проза А. выделялась на фоне эмигрантской лит.-ры. Г. Струве писал о прозе А.: «И рассказы, и романы Темирязе-

ва характеризуются разорванной, многоплановой композицией, без центральных персонажей, иногда с повествованием, развертываемым в обратном порядке, и любовью к гротеску. Это — чистейший сюрреализм» (Струве Г.— С. 276). Впрочем, все эти «сюрреалистические» приемы без труда обнаруживаются и в прозе Е. Замятина, оказавшего сильнейшее влияние на А.-писателя.

Значительный интерес представляют воспоминания А., где А.-писатель как бы дописывает — уже по памяти и словесно — портреты, которые А.-художник писал некогда со своих именитых современников, по преимуществу крупнейших представителей русской культуры и политических деятелей 1910–20-х («Дневник моих встреч», 1966).

Соч.: Повесть о пустяках. СПб., 2001; Дневник моих встреч: Цикл трагедий. [М.], 1990. Т. 1, 2; То же. [Л.], 1990. Т. 1, 2.

Лит.: Струве Г. Русская ли-ра в изгнании. Нью-Йорк, 1956; Филиппов Б. Юрий Анненков // Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т. 1. С. 7–11; Замятин Е. О синтетизме // Замятин Е. Лица. Нью-Йорк, 1967. С. 231–245; Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991; Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993; Данилевский А. А. Юрий Анненков — Georges Anpenkoff — Б. Тимирязев // Анненков Ю. Повесть о пустяках. СПб., 2001. С. 315–323.

В. Ю. Бобрецов

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович [20.8(1.9).1855, Омск — 30.11(13.12).1909, Петербург; похоронен в Царском Селе (г. Пушкин) на Казанском кладбище] — поэт, драматург, переводчик.

Отец был начальником Омского отделения Главного управления Западной Сибири, председателем губернского правления Томска. С матерью поэта связано предположение о ее происхождении из рода Ганнибалов (ее мать была замужем за одним из сыновей Арапа Петра Великого), что говорило о ее дальнем родстве с Пушкиным (см.: Петрова М., Самойлов Д. Загадка Ганнибалова древа // Вопр. лит.-ры. 1988. № 2). Семья Анненских до переезда в 1849 в Сибирь жила в Петербурге. В 1890 семья возвращается в столицу, где отец получает место чиновника по особым поручениям в Министерстве внутренних дел. В 1865–68 А. с перерывами, связанными с болезнью, учится в частной школе, потом во 2-й прогимназии. С 1869 — в частной гимназии В. И. Беренса. В 1875 А. успешно сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости при гимназии «Человеколюбивого обще-

ства» в Петербурге и в этом же году зачисляется в Петербургский ун-т на историко-филол. ф-т.

В детстве А. подолгу жил в доме старшего брата Н. Ф. Анненского (1843–1912), чело- века энциклопедической образованности и огромной социальной энергии, известного общественного деятеля. Н. Ф. Анненский сближается идейно и родственно с революционером-народником Н. П. Ткачевым (женится на его сестре Александре Никитичне, приходившейся братьям двоюродной сестрой по отцу), Г. И. Успенским, Н. К. Михайловским. В тюрьме и ссылке он знакомится с Н. Г. Чернышевским, В. Г. Короленко, а затем с М. Горьким и др. А. не принимал «культурное беспамяństwo» и политический радикализм позднего народничества, но именно брату и его жене А. был всецело обязан своим «интеллигентным бытием».

В 1879 он окончил Петербургский ун-т со степенью кандидата и правом преподавать древние яз. С этого времени и до конца жизни А. связывает свою службу с Министерством народного просвещения, дослужившись до гражданского «генеральского» чина (с 1896) действительного статского советника. В 1879–91 преподает латынь и греческий яз. в частной гимназии Ф. Ф. Бычкова (потом — Я. Г. Гуревича). 23 сент. 1879 венчается с любимой женщиной — Н. В. Хмара-Барщевской, имевшей двух сыновей-подростков от первого брака. В 1880 у четы Анненских рождается сын Валентин, будущий поэт, пи-

И. Ф. Анненский